

Ностальгия по несбывшемуся

«Забутые дневники любви»

Режиссер Ясмин Новак

Израиль, 2011, 53 мин.

В этом документальном фильме несколько временных пластов. В пересказе это может выглядеть сложно, а по жизни все просто и понятно. Живет в Израиле 85-летняя женщина Эллис. Муж ее - Ами - умер два года назад. Теперь Эллис решила прочитать дневник Берни Спира, своей первой любви. Дневник пришел ей по почте 65 лет назад, в день ее свадьбы, состоявшейся в Иерусалиме в 1945-м.

Обратного адреса на бандероли не было. Видно, кто-то подгадал, чтобы Эллис получила дневник именно в этот день. Может, это сам Берни? Хотел упрекнуть в неверности? Но Эллис не была неверна. Да, когда они 20 июля 1942 года расставались в своем родном городе, голландском Шефенингене, то договорились встретиться через столько-то дней после конца войны на скамейке, их любимой скамейке на городской площади. Война кончилась, Эллис долго ждала на скамейке, но Берни не пришел. А вскоре она с родителями уехала в Палестину. Расстались же влюбленные потому, что началась депортация евреев в Польшу, надо было прятаться, найти укрытие было нелегко, их семьи развело по разным местам голландской земли, точнее, голландского подземелья. В Палестине Эллис вышла замуж. В чем она была виновата перед Берни? Просто так сложилась жизнь.

Одна из странностей этой истории: почему Эллис открыла дневник Берни лишь через 65 лет? В фильме она этого не объясняет. Наверное, в 1945-м любовь Эллис к Берни была еще свежа, и она чувствовала, что читать его дневник было бы, наоборот, проявлением неверности к Ами. А потом было много дел, дети, внуки, правнуки — дневник все лежал в дальнем ящике. И вот теперь Эллис решила его прочитать.

Каждая страница дышала любовью к ней. Берни писал: «Встреча с тобой была подарком судьбы, и если я умру, то умру счастливым». Судьба. Она не только делает подарки, но и зло подшучивает над людьми. Вот что Эллис установила, сравнивая дневник Берни со своим собственным. (Она ведь тоже вела дневник, они так договорились — вести дневники, а после войны прочитать друг другу и тем самым как бы отменить время разлуки. Дневник Берни прервался в середине 43-го, дневник Эллис — с ее замужеством). Семья Эллис скрывалась в лесной хижине близ деревни Кварденард. Эллис или ее родители время от времени ходили на ферму на окраине деревни за продуктами. И вот, представьте себе, из дневника Берни она узнала, что его семья тоже пряталась в этой деревне. Может быть, даже на этой самой ферме, но фермер и его жена не говорили Эллис об этом, ведь чем меньше людей знает, что ты прячешь евреев, тем лучше.

Эллис, конечно, понимает, отчего во время войны прерывались еврейские дневники. И все же, все же... Вместе со своей взрослой дочерью Шломит старая женщина отправляется в Голландию. Они встречаются с разными людьми, которые могли бы что-то знать о Берни. Вот его одноклассница Карен. Эллис жадно выпрашивает ее, но той, кажется, о Берни ничего не известно. А если известно, то у нее ничего невозможно узнать, она говорит только о себе. Они едут в Кварденард, ферма на окраине деревни сохранилась, но у нее, конечно, совсем другие владельцы, они ничего не знают. В какие двери Эллис и Шломит ни стучатся, никто им не может помочь. Что удивительного, 67 лет прошло. Наконец, удача: оказывается, жива младшая сестра Берни, Батшева! Происходит встреча, которая ставит точку над *i*. Это печальная, трагическая точка. В подвале семья Спира слушала радио, совершая таким образом два греха: мало того, что они со своей еврейской кровью продолжали жить на свете, так еще нарушали «орднунг» о сдаче радиоприемников. Когда их «телефункен» испортился, они попросили фермера снести его в мастерскую. Немцы зашли туда, заметили приемник, выпытали у мастера адрес, нагрянули на ферму. Как на беду, это случилось во вторник, день, когда вся Голландия выносит матрасы на проветривание. Родители Берни тоже вывесили свои матрасы на забор. Немцы обратили внимание, что матрасов для одной семьи многовато. Так из-за матрасов семья Берни попала в Аушвиц — туда, где все носили полосатую одежду.

Батшева уцелела по случайности. Эллис выслушала ее рассказ без слез. Ведь она мало верила, что Берни выжил. А кроме того... в глубине души ей, может быть, хотелось не так увидеть Берни, как закрыть связанную с ним страницу прошлого. Вообразим, что Берни оказался жив — о чем бы говорили старики? Да узнали бы они вообще друг друга? Потом Эллис все-таки поплакала. Но слезы ее были не горькими, легкими. И весь этот фильм легкий, не надрывный и, в общем, светлый. Не открывая новых истин, он побуждает задуматься, посмотреть на войну с неожиданной стороны. Вот Шломит. Она помогает матери в ее поисках, сочувствует ей — но если бы Эллис и Берни встретились на заветной скамейке, она бы просто не родилась. И Эллис грустит по Берни не потому, что жизнь с ним была бы счастливее — Ами она любила. Ее грусть — по несбывшемуся, несостоявшемуся. Война не только пресекла миллионы жизней, не только сделала миллионы других жизней неудавшимися, кривыми

— она еще оставила в душах многих людей, у которых все вроде сложилось благополучно, странное ощущение, будто они проживают не свою жизнь, не ту, которая была им *на роду написана*.

Бывает, человек потерял ногу, а она все равно болит. Фантомная боль. Но вообразим, что человек потерял ногу, и благодаря хорошему протезу он свободно передвигается, и боли нет... но он постоянно чувствует, что потерянная нога *есть*.

Истории в сослагательном наклонении не бывает. Но судьба в сослагательном наклонении бывает, душа человека не подчиняется рациональности, она бессмысленно тоскует по «садам иных возможностей».

Русский перевод названия фильма, подозреваю, неправилен. Фильм не о *забытых дневниках любви*, а о *дневниках потерянной любви*. Знающие иврит могут подтвердить или отвергнуть мое подозрение: *Yomanei haAhava haAvudim*

Святослав Бакис, специально для «Хадашот»

<http://bakino.at.ua/>